

Не лепо ли ны бяшеть, братие, начати старыми словесы трудных повестей о полку Игореве, Игоря Святославлича?

«Мыслию по древу» растекался Геннадий Фёдорович Карпунин четырнадцать лет, с 1975 по 1989 год – год издания книги «По мысленному древу». В преамбуле к этой книге говорится: «Книга представляет собой художественное, социальное и филологическое исследование величайшего памятника русской литературы – «Слова о полку Игореве». Феномен «Слова», его тайна, как магнит, притягивающие к себе интерес многих людей, – вот основная сюжетная линия этого своеобразного произведения-эссе».

Эволюция его взглядов на «Слово» прослеживается во многих публикациях в журнале «Сибирские огни». В 1983 году на основе этих публикаций вышла книга «Жемчуг «Слова», или «Возвращение Игоря». Д. С. Лихачёв писал: «Раз занявшись «Словом о полку Игореве», бросить его уже невозможно до конца жизни. Это памятник почти магический – магически притягивающий к себе всех чутких к красоте людей». Наблюдения над «Словом», описанные в этой книге, Карпунин не относит их ни в коей мере к научным или научно-популярным трудам: «Я написал лишь о том, что этот памятник благовестил именно мне; другим он, возможно, скажет другое».

Более семи с половиной веков назад создано «Слово о полку Игореве» – гениальное произведение русской литературы. Оно написано в годы, когда процесс феодального дробления

Руси достиг своей наибольшей силы, но он не был связан с её культурным упадком. В этот период рядом с Киевом, Новгородом и Черниговом растут и крепнут многочисленные новые очаги русской культуры, развиваются и крепнут местные литературные школы (возникает многочисленность жанров, потребность в литературе и привычке к литературному чтению), живопись и прикладное искусство, глубоко своеобразное зодчество каждой из областей. До нас дошли сорок два названия различных ремесленных специальностей этого времени.

Междоусобная борьба князей была трагически осложнена нависшей над Русью половецкой опасностью, объединённых в единую военную организацию и хорошее вооружение под властью хана Кончака. В русском народе и даже в княжеской среде тоже зреет идея необходимости единения, делается попытка примирения мономаховичей и ольговичей, представителем которого был Игорь. Он решает в 1185 году доказать свою преданность союзу русских князей против половцев, с которыми ещё в 1180 году воевал вместе против Рюрика Киевского.

Сохранилось два летописных рассказа о походе Игоря Святославича 1185 года: в Ипатьевской (Повесть о полку Игореве) и Лаврентьевской летописях.

По школьной программе мы знаем результат этого похода: Игорь попал в плен и затем бежал.

«Слово о полку Игореве» было создано вскоре после событий Игоревы похода, по Д. Лихачёву в 1187 году, и написано его автором для современников, у которых события похода Игоря были ещё в памяти. Оно соткано из намёков, из напоминаний, из глухих указаний на то, что было ещё живо в памяти каждого читателя-современника той эпохи. Вот поэтому для нас осталось в нём много загадок, которые расплетают, стараются угадать многочисленные учёные, исследователи и просто читатели этого шедевра.

Карпунин назвал их трудностями чтения «Слова» и задаёт вопросы: Кто такие были Боян и Троян? Мысленное древо, что это? Почему после побега Игорь идёт не к храму Софии, а к храму на Пирогощей, почему автор Слова не хочет песни петь по-старому, по боянову замыслу, и другие?

И отвечает:

Икона божьей матери Пирогощей на Боричевом взвозе в Киеве, привезённая дочерью византийского императора Анной, ставшей женой князя Владимира, одна из главных русских святынь. Её увидел Игорь в плену, Богоматерь требует, чтобы он посвятил свою жизнь ей, значит, Русской земле, потому что она олицетворяла Русскую землю. И когда Игорь в финале поэмы едет к святой Богородице Пирогощей, то он едет посвятить себя служению Родине.

Имя «Боян» – языческий бог славян, вещей, кудесник, внук Велеса, скотьего бога и «по совместительству» покровитель поэзии, песнотворец старого времени. Боян являет собой тот тип поэтов, которые поют «старыми словесы», и их творения относятся к произведениям высокого стиля. Он воспевал важные происшествия и изъяснял свои мысли возвышенно, а автор «Слова» намерен начать реальную песнь его текущего времени.

Мысленное древо – это древо духовное, древо истинное, то есть такое, которое является источником духовного истинного плода, это источник знания, источник, питающий ум человеческой истины – книжное учение.

Имя Трояна, тоже языческого божества надо понимать как означающее муж, мужественный, воин. Троян – это один из древнейших славянских богов, древнее Перуна (он пришёл к нам от варягов), это пресветлое солнце, это народное поэтическое переосмысление троичности христианского божества

и отражение древних языческих представлений о тресветлом солнце как едином в трёх проявлениях божестве Трояне, боге мужествования, воителе мчащем стрелы, движущим боевые корабли, простирающим на воинов горячие лучи.

В «Слове о полку Игореве» тропа Трояня, земля Трояня и века Трояни обозначают путь, земля и времена единоборства Трояна с Бесом. Имя главного действующего лица поэмы князя Игоря в крещении было Георгий и его церковным покровителем был Георгий Победоносец. С принятием христианства и отвержением прежних богов имя Трояна было заменено на эквивалентное – Георгий Победоносец. Под именем Георгия Победоносца, Юрия, Егория Храброго Троян продолжал разить своим копьём поганого беса-змея на протяжении тысячелетия, став гербом Москвы и войдя в состав русского государственного герба. Образ Трояна, триединого божества-воителя, не исчезал из народного сознания. Не исключено, что богатырская троица – Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович – сложились под влиянием этого образа.

Геннадий Карпунин увидел в тексте, что автор «Слова» очень тонко подходил к каждому слову, имени, сочетанию букв и слогов, ни одного слова у него не было лишнего, все были со смыслом. «Слово о полку Игореве» выделяется из всего ряда произведений древнерусской литературы (Сочинения Нестора, митрополита Иллариона, игумена Даниила, Сильвёстра Выдубицкого, Владимира Мономаха, Кирилла Туровского, Даниила Заточника и других), как произведение художественной литературы, ибо художественной литературы как таковой в Древней Руси не было. «Слово» – произведение новаторское. В чём новаторство автора «Слова»? Отказавшись от «старых словес», он нашёл иной язык – язык, необходимый для выражения «былин сего времени». Им ока-

зался язык народа. К этому языку до автора «Слова» русская литература не обращалась. И это было одним из великих литературных открытий и новаций.

«Слово о полку Игореве» народно, прежде всего в том смысле, что в нём впервые в истории русской литературы был предоставлен голос народу. Песнь Игорю и его молодой дружине поётся от лица всего русского народа, как бы самим русским народом, видящем в Игоре защитника от поганых и обновителя русской земли.

Смысл поэмы – страстный призыв русских князей к единению, как раз перед нашествием монголов, актуален во всей русской истории до сего дня. На примере поражения Игоря автор показывает печальные последствия политического разъединения Руси, а теперь России.

В книге Карпунина «По мысленному древу» мне не очень понравились чтения текста «Слова» в обратном направлении, то есть как палиндром, или как чтение еврейских текстов, выискивая в этих оборотах какой-то тайный смысл автора. Геннадий Фёдорович считал, что прямой текст – земная поверхность и небеса, а обратный текст – ад, преисподняя, чёрная дыра, где течёт дьяволова река Каяла (где потерпел поражение Игорь).

Имя автора «Слова», как бы не гадали многочисленные исследователи этого величайшего литературного памятника, Геннадий Фёдорович тоже не установил. Лихачёв пришёл к заключению, что его не отгадает никто, потому что многие литературные источники за прошедшие века исчезли. Чивилихин в романе-эссе «Память» считает, что это был сам Игорь, потому что он в своём тексте пошёл против христианских канонов и кощунственно возродил общественную память о языческих верованиях. В Любечском синоднике, где должно быть место поминовения великому черниговско-северскому

князю Игорю, значится имя великого князя Феодосия, но таковой никогда не сидел на Черниговском престоле и на Новгород-Северском. Чивилихин считает, что перед смертью князь принял схиму и в синоднике значится его монашеское имя Феодосий.

А Геннадий Фёдорович поддерживает эту версию отчасти. Игорь умер в 1202 году. До конца своих дней он почитал Пирогошую, а перед кончиной, возможно, приняв схиму, как это было заведено в древней Руси, он завещал отвезти его «на санех» в Киев и похоронить в храме Богородицы Пирогощей на Боричеве взвозе. Его мощей нет ни в Чернигове, ни в Киеве. Игорь сделал перед смертью завещание, предполагает Карпунин, и радостный въезд в Пирогошую в финале поэмы – это внесение гроба Игорева в храм, к месту его упокоения, что и послужило поводом для написания «Слова о полку Игореве». Пирогощая спасла Игоря при жизни, а после смерти он доверил ей спасти его душу.

Мне хочется привести слова поэта-исследователя: «Геология и литература чертовски похожи – те же идеалы, тот же адский труд, те же пропорции удач, ошибок и признания. Не оттого ли в нашем отечестве так много рыцарей, служивших одновременно двум прекрасным дамам, геологии и литературе: Арсеньев, Обручев, Ферсман, Пржевальский, Ефремов, Федосеев, Городницкий, Фоняков» и Карпунин, добавлю я. Геннадий Фёдорович по-новому открыл «Слово о полку Игореве», изучал тайны Тунгусского метеорита. Его прочтение и открытие «Слова» настолько уникальны, что уже твёрдо введены в научный оборот, а имя самого автора – единственного из всей плеяды новосибирских писателей – вписано в Российскую энциклопедию.